

Л. А. Сугай

Книга о Гоголе
профессора
А. В. Исаченко:
текст и контекст эпохи

«Книги имеют свою судьбу»¹, – этим афоризмом латинского грамматика Терентия Мавра Ольга Ковачичова и Антон Элиаш открыли вступительную статью к книге о Гоголе выдающегося филолога Александра Васильевича Исаченко (1911–1978). Написанная в Словакии в конце 1940-х – начале 1950-х годов и «случайно найденная» в архиве кафедры русского языка и литературы философского факультета Университета им. Я. А. Коменского, она была опубликована лишь в 2003 г. Так как после пражских событий 1968 г. (заставших ученого в Австрии) А. В. Исаченко, заместитель директора Института языка и литературы Чехословацкой академии наук, в знак протеста отказался вернуться в Чехословакию, его работы были «выведены» из научного употребления в странах социалистического лагеря: публиковать, цитировать их и упоминать было запрещено. Выдающийся славист не дожил до колоссальных изменений на политической карте Европы и возвращения своих трудов читателям-филологам. В 2003 г. в России переиздана одна из главных его теоретических работ «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология»², в том же году в Словакии увидела свет неизвестная работа Исаченко «Н. В. Гоголь и проблемы русского реализма».

Эта «рукопись» – вернее, как указывают публикаторы, свод лекций, напечатанных студентами на машинке по рукописи Исаченко и размноженных на ротаторе, – стала неожиданным открытием для коллег – преподавателей кафедры, которую основал автор обнаруженной работы. «Нас удивило не только открытие неизданной по сей день работы Исаченко (которую, как выяснилось, сохранял не один из его бывших студентов), но и осозна-

ние, насколько глубоко этот лингвист *par excellence* вошел в проблематику истории русской литературы и с какой научной эрудицией он сумел, несмотря на методологические ограничения своего времени, преподнести своим студентам проблематику, не соответствующую его основной профессиональной ориентации»³, – читаем в предисловии к книге.

«Устные предания» о филологической эрудиции ученого сохраняются по сей день в стенах Университета имени Я. А. Коменского, куда нелегкая судьба человека из семьи русских эмигрантов привела А. В. Исаченко, когда он вышел из застенков гестапо после освобождения Братиславы от фашистов в апреле 1945 г.⁴. Вчерашний узник стал профессором Семинара славистики, затем руководителем созданного им Семинара русистики, преобразованного в 1949 г. в кафедру русского языка, которую он и возглавил.

Вклад ученого в развитие языкознания и распространение русского языка в Словакии трудно переоценить. Его деятельность охватывала все уровни просвещения: от создания фундаментальных языковедческих трудов до школьных учебников и радиоуроков по русскому языку для детей и взрослых. «С именем Исаченко прямо или косвенно связано всё, что было издано и сделано словацкими русистами»⁵, – констатирует Ю. Л. Цинговатов.

Что касается чтения лекций по истории литературы, то эту работу профессора его ученики-коллеги связывают с трудностями формирования кафедры: «Ввиду отсутствия вузовских преподавателей с соответствующим научным званием в первые годы он читал лекции не только по лингвистическим дисциплинам, но и по русской литературе...»⁶ Конечно, известный лингвист-полиглот, член Пражского лингвистического кружка А. В. Исаченко остается в истории словацкой и мировой науки, прежде всего, исследователем-языковедом, но его книга о Гоголе демонстрирует не просто эрудицию педагога-гуманитария, но глубокое, профессиональное погружение в гоголеведческую тематику специалиста – историка и теоретика мировой литературы.

После публикации книги о Гоголе интерес к литературоведческим трудам Исаченко у исследователей явно возрос. А. Элиаш опубликовал специальную статью «Русская литература в работах А. В. Исаченко братиславского периода»⁷. Ю. Л. Цинговатов посвятил свою работу Исаченко-пушкинисту. Но из дошедших до нас литературоведческих трудов ученого наиболее значимым, бесспорно, является его исследование творчества Гоголя.

Определение найденного текста как лекций для студентов требует уточнения. Авторская жанровая характеристика «рукописи» – «Монографический курс». Избрав творчество Гоголя как объект исследования, автор руководствовался тем, что «на разборе одного писателя показывается один из самых замечательных периодов русской литературы»⁸ и «именно Гоголя и его творчество можно рассматривать как некую кристаллизационную точку русской литературы» (с. 15).

В работе Любомира Дюровича, посвященной А. В. Исаченко, есть один пассаж, который остался незамеченным авторами предисловия и послесловия в книге о Гоголе. Не упоминает о нем и А. Элиаш в статье о ли-

тературоведческих работах ученого. Представленный Дюровичем очерк лингвистических трудов Исаченко имеет следующее дополнение: «Особенно нужно упомянуть десяток университетских учебников-компендиев, которые по нашим – кажется, не очень правильным привычкам – не входят в библиографии. Мне известны следующие: (а) в Братиславе: *Части речи в русском языке*, 93 стр., 1947; *System a vývin ruského slovesa*, 94 стр., 1948; *Синтаксис современного русского языка*, 75 стр., 1948; 110 стр., 1953; *Vývin ruského slovníka*, 1949; **Путь Гоголя к реализму, 1950...**»⁹ Далее под буквами «b» и «с» следует перечисление компендиев, подготовленных Исаченко в Лос-Анджелесе и Клагенфурте, где он преподавал после Братиславы.

Итак, был учебник – краткое изложение курса. Не являются ли размноженные на ротаторе материалы тем самым компендием или его вариантом? Заглавие «Путь Гоголя к реализму» больше отвечает содержанию найденного текста, который заканчивается анализом петербургских повестей. Отсутствие в монографическом курсе «Н. В. Гоголь и проблемы русского реализма» разбора «Ревизора» и «Мертвых душ» – главных реалистических сочинений писателя – дало основание братиславским коллегам считать, что сохранился неполный текст лекций. Первый методологический раздел книги и второй, названный «Биография» (но, помимо биографических сведений, дающий развернутый очерк исторического и литературного процесса предшествующей и современной Гоголю эпох), поднимают концептуальные вопросы реализма. Затрагивает автор в рамках общей характеристики литературы 30–40-х годов XIX в. появление поэмы «Мертвые души» и отклики на нее литературного окружения писателя. Есть в тексте и обещание обратиться в дальнейшем к анализу данного произведения (см.: с. 53). Однако такого анализа в опубликованном «Монографическом курсе» не находим: здесь показан *путь* автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» к реалистическому творчеству и – шире! – исторически закономерный процесс становления в русской литературе художественного метода реализма. Автор рисует широкую панораму художественной жизни XVIII – начала XIX века, характеризует творчество предшественников и современников Гоголя, прослеживает линии связи писателя с русской, украинской и европейскими литературами, с украинским фольклором. Причем романтизму как литературному направлению, включая теоретические аспекты и историю его развития в Европе и России, в книге уделено гораздо больше места, чем проблемам реализма¹⁰. Анализу каждой из повестей сборников «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и циклу петербургских повестей автор посвящает специальные подразделы курса. Обнаруженный в архиве кафедры русистики текст завершается трактовкой повести «Нос».

Публикаторы книги Исаченко не отметили ее связи с переводческой деятельностью автора. Профессор руководил переводческим семинаром, в рамках которого были осуществлены важные проекты – например, первый перевод на словацкий язык «Слова о полку Игореве». Под руководством и при прямом участии Исаченко был подготовлен и опубликован перевод петербургских повестей Гоголя. Послесловие к сборнику, написанное Исаченко, имеет целый ряд переключек с его «Монографическим курсом».

По словам Исаченко, «именно в Петербургских повестях осуществился великий перелом к “натуральному” искусству, к русскому критическому реализму»¹¹. В «Монографическом курсе» находим сходную характеристику цикла петербургских повестей: «Петербург дал писателю свою тематику (“Невский проспект”, “Портрет”, “Нос”, “Шинель”), толкнул писателя на путь художественного реализма, с которого он больше не сойдет» (с. 48).

Связь монографии о Гоголе с работой Исаченко – переводчика и воспитателя словацкой переводческой школы – очевидна. Так, в опубликованном тексте «Монографического курса» читаем: «Следует отметить, что тогдашний (да, пожалуй, и теперешний) русский читатель без особой этнографической подготовки не знал, что такое “хустка”, “синдячки”, “стричка”, “голун” и пр. Это необходимо учесть при переводе на иностранный язык. Эти слова должны быть и в переводе словами “экзотическими”, не вполне ясными читателю» (с. 96).

Оригинальность трактовки Исаченко наиболее ярко видна в его интерпретации гоголевской повести «Нос» как пародии на романтические жанры современной писателю литературы и одновременно как становления ведущих мотивов реалистической прозы. Петер Дойчманн, автор «Послесловия спустя полвека», завершающего публикацию книги, усматривает в трактовке Исаченко, во-первых, «фразеологию» марксистской эстетики, а во-вторых, переключку с идеями формалистов¹². Вообще «Послесловие...» пестрит именами литературоведов (Бахтин, Мережковский, Мочульский, Набоков, Овсянко-Куликовский, Чижевский, Эйхенбаум и др.), ибо задача автора раскрыть не столько «особенности исаченковской трактовки Гоголя», сколько «связь его лекций с другими, уже широко известными к тому времени работами, посвященными Гоголю»¹³. Однако практически все попытки вписать «Монографический курс» в круг «известных» интерпретаций не достигают успеха. В оценке «Выбранных мест из переписки с друзьями» Исаченко отстраняется от идей русских религиозных мыслителей и следовавших за ними западных авторов: «Западная история литературы уделила немало внимания психологическому разбору гоголевской религиозности. В ней находили что-то исконно русское, символическое, пророческое. Мистически настроенная часть русской дореволюционной интеллигенции (Мережковский, Бердяев) искала в религиозности Гоголя каких-то общечеловеческих начал. Для нас вопрос ставится иначе. Проявление повышенной религиозности Гоголя следует рассматривать как симптом начинающегося душевного заболевания, и, следовательно, его нельзя считать предметом историка литературы. Это материал для психиатра, а не для филолога» (с. 60).

Для П. Дойчманна «подлинная загадка настоящих лекций Исаченко о Гоголе – фактическое отсутствие в них прямых ссылок на формалистические трактовки Гоголя»¹⁴ и то, что «звуковая сторона гоголевского текста не находит у Исаченко никакого комментария, тогда как, например, Борис Эйхенбаум подробно останавливается на ней в своей известной статье “Как сделана ‘Шинель’ Гоголя”»¹⁵. Ответом на «загадку» может служить специальная статья Исаченко (в соавторстве с М. Бакошем) «Literatúra a jej

skúmanie / Литература и ее исследование». Трактую литературное произведение как систему конструктивных элементов, авторы подчеркивают: «К этим элементам не относятся только элементы звуковой структуры (ритм, эвфония, синтаксис, метрическая композиция, интонация), но равно и элементы внеязыковые (выбор темы, сюжетостроение), даже сами характеры героев с их идеями, как и с идеями самого автора»¹⁶.

Австрийскому комментатору остается констатировать, что у Исаченко «основной исследовательский инструмент – методология, в значительной степени близкая к марксистской литературной критике». Но всё же Дойчманн оговаривает, что Исаченко «использует и некоторые достижения “формальной школы” в литературоведении»¹⁷. Единственный пример в пользу подобной оговорки – это «перекличка мыслей Исаченко с идеями формалистов об эволюции в литературе, которую они не раз связывали именно с пародией»¹⁸. На отличиях позиции автора анализируемого курса от формального метода и статьи Ю. Тынянова «Достоевский и Гоголь. К теории пародии», в частности, Дойчманн не останавливается. А Исаченко, продемонстрировав на серии примеров, что «пародия была действительно литературной формой 20–30-х годов» и что «в рассказе “Нос” Гоголя применен пародийный метод», ставит вопрос: «Но с какой целью, для каких художественных задач была им использована пародия?» (с. 182). «Ключ к повести “Нос”», по его мнению, – в том, что автор «не просто пародировал, не просто играл в литературу ради литературы. Он боролся за поэтику “низкого” объекта, за поэтику реалистического воплощения “низкой” натуры» (с. 192). «Мы присутствуем здесь при становлении новой, правдивой литературы, при становлении так называемой “натуральной школы”, возглавляемой Гоголем» (с. 192). Данным заключением завершается анализ гоголевского «Носа» и заканчивается обнаруженная работа А. В. Исаченко. Думается, это и есть ее подлинное завершение.

Что же касается методологии Исаченко, то в указанной выше его статье об изучении литературы критически рассматриваются все литературоведческие школы: культурно-историческая, психологическая, социологическая, формальная, – и каждая для Исаченко ущербна, ибо направлена на какую-то одну сторону литературного произведения, тогда как оно является многогранной «эстетической конструкцией»¹⁹. «Литературное произведение, как всякое художественное выражение, многозначно, не является только литературным фактом, но может быть и фактом общекультурным, носителем идейного содержания, проявлением психологии автора, документом о личной жизни автора и т. д.»²⁰.

Принципиальной установкой Исаченко является раскрытие связей литературного процесса и творчества собственно Гоголя с историческим контекстом. «Мы не поймем развития русского реализма, – пишет он, – если не обратим внимания на органическую связь его с “последекабрьской” жизнью. Восстание декабристов было разгромлено и не могло не быть разгромлено. Перед русской интеллигенцией возникла необходимость поисков новых путей развития. Их предстояло найти не в романтических иллюзиях героев 14 декабря, но в самой действительности России, как бы она

ни была сурова и безотраднa. Именно этим определяется надлом русского романтизма после 1825 года и всё усиливающееся формирование художественного реализма» (с. 39). В то же время для исследователя абсолютно значима индивидуальность писателя, уникальность его художественного мира. Исаченко последовательно проводит мысль, что «путь Гоголя, как и всякого крупного писателя, извилист и причудлив. Нельзя свести его к простым формулам, не искажая действительности, не создавая упрощенной, по существу своему ложной картины писателя» (с. 15).

Несмотря на «методологические ограничения работы, обусловленные складывающейся идеологической ситуацией, с которой профессор Исаченко в политически сложном положении русского эмигранта не мог не считаться»²¹, ученый смог раскрыть свой независимый взгляд на творчество Гоголя и развитие русской литературы. Исаченко категорически отвергает трактовки писателя как обличителя-разоблачителя царизма и крепостничества. В курсе он подчеркивает, что «уничтожающая критика современного ему общества дана Гоголем вовсе не как протест против существующего порядка, меньше всего как протест против крепостничества. У Гоголя нет ничего декларативно-революционного, ничего сознательно бытовщицкого. Его никак нельзя поставить в ряд с революционными демократами, нельзя его считать наследником декабристов» (с. 144).

За подобные заявления автор мог расплатиться потерей кафедры, и не только. В СССР в то время, когда (цитирую монографию Л. Н. Степанова) «советское литературоведение, освободясь от <...> ошибочных и вредных концепций, рассматривает творчество Гоголя на основе марксистско-ленинской методологии»²², традиционным стало вписывание великого писателя, «при всей непоследовательности и ограниченности его политических воззрений»²³, в революционно-демократический круг. В ритуал входила при этом и обязательная ссылка на высказывание классика марксизма либо революционного демократа.

Д. И. Чижевский, автор статьи «Неизвестный Гоголь» (Нью-Йорк, 1952), имел полное основание считать, что в советском гоголеведении 50-х годов «есть простейший способ решения всех “так называемых вопросов” – приведение более или менее удачно выбранной цитаты из Ленина, Сталина, Маркса и Белинского...»²⁴

К подобным ритуальным цитатам в расцвет готвальдовско-сталинского режима вынужден был прибегать и Исаченко. Может быть, современным публикаторам и не следовало изымать из курса «пассажей текста, формулировки которых являлись данью самому догматическому периоду в послевоенной жизни Словакии – началу 50-х годов XX века»²⁵, – их следовало бы сохранить как свидетельства об ушедшей эпохе. Тогда острее ощущался бы подтекст ряда высказываний автора, которые отнесены к историческому прошлому, но в них звучит непреходящий протест русского интеллигента против несвободы мысли: «Русский, мыслящий русский, видел в литературе драгоценнейший клад своих национальных чаяний. Лишенный элементарных свобод, он обращался к литературе за утешением, за поручением, за поддержкой»; «Среди многочисленных привилегий

и свобод, которыми Екатерина II одарила русское дворянство, недоставало одного: права на свободное проявление мнения. Если крестьянин был крепостным в физическом смысле, то русский дворянин того времени был крепостным духовно» (с. 27).

Отметим еще один аспект книги А. В. Исаченко. Характеризуя политическую ситуацию времен Екатерины II, он пишет, что «украинское дворянство видело в императрице свою покровительницу, называя ее “мамо”. В экономическом отношении украинское мелкое дворянство стояло на прочной базе крепостнического труда. Распад феодального хозяйства здесь только начинался. Еще не ощущалась экономическая конкуренция с промышленными областями России и ни о каком серьезном украинско-русском антагонизме говорить не приходилось. Если украинцы и называли русских “кацапами”, а русские украинцев “хохлами”, то в этих кличках было больше добродушного юмора, чем политической колкости. Борьба за рынок еще не начиналась, национальное самосознание было еще в зародыше. Ни о каких национальных боях в этот период (первые десятилетия XIX века) говорить не приходится. Украинские дворяне видели в петербургском дворе защитников их крепостнических прав, и вполне естественно, что Петербург был для них заветной мечтой, куда посылались барчуки для учения, на государственную службу, в свет» (с. 16–17). Этот затронутый исследователем исторический вопрос в наши дни, при разгуле национализма на Украине и попытках переписать историю, обретает особую актуальность.

Примечания

¹ Ковачичова О., Элиаш А. Предисловие. *Habent sua fata libelli // Исаченко А. В. Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма. Bratislava, 2003. С. 5.*

² Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. – 2е изд. – М.; Вена, 2003.

³ Ковачичова О., Элиаш А. Указ. соч. С. 6–7.

⁴ См.: *Šitakov A. Rusi na Slovensko. Banská Bystrica, 2012. S. 103.*

⁵ *Цинговатов Ю. Л. «Пушкинский эпизод» в жизни и творчестве Александра Васильевича Исаченко (1911–1978) // Universitas Catholica Rosenbergensis. Studia Russico–Slovaca. Ružomberok, 2014. С. 61.*

⁶ Ковачичова О., Элиаш А. Указ. соч. С. 5.

⁷ *Eliš A. Ruská literatúra v prácach A. V. Isačenka z bratislavského obdobia // Florilegium in honorem Alexandri Isačenka: ad iubilaeum centenarium oblatum. Bratislava, 2011. S. 42–53. См. также: Элиаш А. А. В. Исаченко и становление братиславской литературоведческой русистики // Международный научный симпозиум: Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении. Белград, 2012. С. 131148.*

⁸ Исаченко А. В. Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма. С. 13. Далее все ссылки на это изд. даем в тексте в круглых скобках, указывая № страниц.

⁹ Дюрович Л. Александр Васильевич Исаченко // Russian Linguistics. 1979. № 4. С. 126 (*жирный курсив мой*. – Л. С.).

¹⁰ См. раздел 3: «Эстетика классицизма и романтизма».

¹¹ *Isačenko A. V. Gogoľove Petrohradské novely // Gogoľ N. V. Petrohradské novely. Bratislava, 1950. S. 227. (В оригинале по-словацки. – Л. С.).*

¹² *Дойчманн П. Послесловие спустя полвека // Исаченко А. В. Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма. С. 205.*

¹³ Там же. С. 194.

¹⁴ Там же. С. 202.

¹⁵ Там же. С. 203.

¹⁶ *Isačenko A. V., Vakoš M. Literatúra a jej skúmanie // Vo dne a v noci. Bratislava, 1941. S. 124.*

¹⁷ *Дойчманн П. Указ. соч. С. 205.*

¹⁸ Там же. С. 205.

¹⁹ *Isačenko A. V., Vakoš M. Указ. соч. S. 124.*

²⁰ *Ibid. S. 123.*

²¹ *Ковачичова О., Элиаш А. Указ. соч. С. 7.*

²² *Степанов Н. Л. Н. В. Гоголь. Творческий путь. М., 1959. С. 7.*

²³ Там же. С. 4.

²⁴ *Чижевский Д. И. Неизвестный Гоголь // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 200.*

²⁵ *Ковачичова О., Элиаш А. Указ. соч. С. 10.*